

Глава 15. Ужин с рыбой

В деревне Сяо У побаивались, да и сам он не любил лишний раз светиться на людях. Но раз Гу Цин попросил, отказывать не хотелось. Взяв миску, он нехотя вышел за ворота.

— Ты только не будь с ним слишком суров, — крикнул ему вслед Гу Цин. — Дети растут, им всё равно придется общаться с деревенскими, так что и нам надо налаживать связи.

Он понимал Сяо У. Тот годами жил в горах, имея дело со зверями — а со зверем разговор короткий: либо ты его, либо он тебя. От постоянного запаха крови и сурового взгляда люди шарахались от него, как мыши от кота. А слухи и сплетни только подливали масла в огонь, так что охотник и сам перестал заходить в деревню.

Сяо У буркнул что-то в ответ и ушел.

Третий дядюшка Гу, увидев охотника с миской, сразу понял, за чем тот пришел, и, в отличие от остальных, ничуть не испугался.

— За тофу? Рановато заглянул, еще не до конца схватился, — проскрипел старик, опираясь на согнутую спину.

— Я подожду.

Сяо У впервые был в этой лавке. Он с любопытством рассматривал старый каменный жернов, который явно повидал немало на своем веку.

Когда он вернулся, Гу Цин уже почистил рыбу и готовился её жарить.

На севере рыбу обычно тушили так: сначала обжаривали кусочки жирной свинины, чтобы вытопилось сало, затем в этот жир клали рыбу и поджаривали до золотистой корочки. Добавляли немного вина для аромата, заливали водой и приправляли: соевая паста, соль, соевый соус, щепотка сахара и пара сушеных перцев. Через двадцать минут в котел отправлялся нарезанный тофу — он должен был впитать в себя весь сок. В самом конце посыпали зеленым луком.

Сяо У, видя, что ужин готов, сам расставил столик на кану и принес приборы.

Рыба получилась нежнейшей, а тофу — сочным и ароматным. С горячим рисом это было просто обедение.

За окном сгустилась тьма, а в доме уютно мерцала свеча. Семья из четырех человек мирно ужинала, слушая детскую болтовню.

После еды Сяо У сам вызвался помыть посуду. Гу Цин тем временем расстелил свежие одеяла, подвернув края так, чтобы не поддувало. Сон обещал быть теплым.

Они легли: Гу Цин и Сяо У по краям, дети — посередине. Погасили лампу, и Гу Цин снова начал рассказ про Нэчжу. Под его мягкий, неспешный голос Сяо У заснул крепким, спокойным сном.

Рано утром Сяо У первым делом протопил кан — скоро зима, и по утрам становилось зябко.

Он тихонько оделся и ушел в лес за дровами. Зимой в щелястом доме нужно было постоянно жечь огонь, иначе тепло не удержишь. Самим-то ладно, а вот дети могли простудиться, что в этих краях было очень опасно.

Далеко в чащу он заходить не стал. Нашел несколько сухостоин, повалил их и погрузил на телегу. Хорошие, сухие бревна будут долго гореть в печи, давая ровный жар.

Вернувшись, он увидел во дворе Гу Цина — тот развешивал белые кочаны капусты. Чтобы овощи не сгнили в подполе, их нужно было сначала подсушить на солнце.

Гу Цин обернулся на звук и улыбнулся:

— Дров набрал? — Он стоял спиной к солнцу, и в его лучах казался каким-то неземным красавцем.

У Сяо У перехватило дыхание. Сердце сначала замерло, а потом заколотилось как бешеное. От неожиданного наплыва чувств он даже забыл, что держит в руках бревно.

Грох! Сухостой свалился на землю.

Из дома высунулась голова Яньянь. Девочка хитро прикрыла рот ладошкой:

— Папа так на папочку засмотрелся, что про всё на свете забыл!

Гу Цин смутился. Лицо Сяо У и впрямь было слишком уж в его вкусе. Он низко опустил голову и принялся быстро работать. Закончив с капустой, он пошел кормить оставшуюся дичь обрывками листьев, а затем буквально влетел в дом.

Сяо У строго посмотрел на дочь, и та мигом скрылась в комнате.

Закончив колоть дрова, Сяо У умылся и зашел в дом на зов Гу Цина — завтрак был готов.

После еды прибежал Ху-цзы, и ребятня гурьбой умчалась играть.

Сяо У достал кошелек и протянул его Гу Цину. Они уселись на кан друг против друга. Гу Цин взвесил мешочек в руке — увесистый. Серебро и медь весело зазвенели. Гу Цин высыпал на стол и свои сбережения.

От продажи жемчуга осталось четыре таэля. Плюс двести таэлей за лис, семь за оленя и триста один вэнь за птицу и кроликов. Итого — двести одиннадцать таэлей и три цян.

— Забери деньги себе. Сам решай, на что тратить. Я обещаю, что мы никогда не будем нуждаться, — Сяо У говорил серьезно, хоть и немного запинался от смущения.

— Не боишься, что я сбегу с этим добром? — в шутку спросил Гу Цин.

— Не сбежишь, — твердо отрезал охотник.

А помолчав, добавил:

— Даже если сбежишь — ничего. Деньги я еще заработаю.

* * *

Глава 16. Чувство безопасности

Сердце Гу Цина наполнилось нежностью.

Поначалу он роптал на несправедливость судьбы: другие попаданцы становились принцами, князьями или, на худой конец, богачами. А ему досталась нищета, нелюбящие родители и замужество за вдовцом.

Но сейчас он был благодарен небу за то, что у него есть дом и такой хороший человек рядом. Гу Цин твердо решил дорожить этим шансом. Ему нравилась простая жизнь с её повседневными заботами, нравилось, подобно хомяку, делать запасы — это давало ему долгожданное чувство безопасности.

В современной жизни, когда Гу Цин испытывал стресс или грусть, он любил забиться в угол между стеной и кроватью. Ему нравились тесные пространства: казалось, они обволакивают его, даря душевный покой, тепло и уют — словно неприкаянный странник наконец обрел пристанище и добрался до цели.

Этот угол был для него как защитный круг, который Сунь Укун начертил для Тан Сэна — его

личное убежище. В моменты одиночества эта «теснота» создавала иллюзию чьего-то присутствия; он опирался на неодушевленные предметы и благодаря фантазии о «заполненности» пространства прогонял тоску.

Но теперь он был не один. У него была семья, и он хотел жить — жить по-настоящему хорошо.

— Давай следующей весной построим новый дом, — предложил Гу Цин, глядя на Сяо У. — Дети растут, не дело им вечно спать с нами. Да и старый дом совсем обветшал, из всех щелей дует.

— Хорошо. После Нового года схожу к старосте, выкуплю соседний участок и начнем стройку.

Гу Цин внутренне возликовал. Сяо У вернулся всего несколько дней назад, но откликнулся на каждую его просьбу. В современном мире он прослыл бы идеальным мужем.

— Кстати, примерь зимнюю одежду, которую я тебе сшил. Посмотрим, подходит ли размер. — Гу Цин достал из шкафа на кану сверток и протянул мужу.

На севере на кану часто ставили невысокие шкафчики для хранения постельных принадлежностей и одежды.

Сяо У не ожидал, что и ему что-то сшили. Он слышал от детей, что папочка обновляет им гардероб, но не думал, что «им» включало и его самого.

— О! — Он тут же скинул верхнюю одежду, представ перед женой по пояс голым. Гу Цин обернулся и замер, не в силах отвести взгляд.

Бронзовая кожа, крепкие мускулы, широкие плечи и мощная грудь — он казался отлитым из стали. И у него даже были кубики пресса! Гу Цин внутренне закричал: «Неужели мне показывают такое бесплатно?! Видимо, в прошлой жизни я был святым, раз заслужил это зрелище!»

Сяо У поправил воротник:

— В самый раз. Переделывать не нужно.

Гу Цин смотрел на его широкие плечи и узкую талию — настоящий «ходячий манекен», на таком любая вещь сидит идеально.

— У тебя есть дела на сегодня? — спросил он, доставая обрезки ткани, оставшиеся после шитья.

— Да нет, а что?

— Тогда, пока погода хорошая, давай заклеим щели в окнах. А то как похолодает, в доме будет гулять ветер.

Гу Цин нарезал ткань полосками, а Сяо У сварил клейстер. Работа зашпорилась: один мазал полоски клеем, другой плотно прижимал их к рамам.

— Завтра ходим к твоим родителям, — сказал Сяо У, не отрываясь от дела. — По правилам полагалось на третий день, но раз уж пропустили, наверстаем сейчас.

Гу Цину этого хотелось меньше всего на свете, но на них смотрела вся деревня. В Великой Цзинь сыновья почтительность возводилась в культ: какими бы ни были родители, дети не смели идти против них. Непослушание считалось тяжким преступлением — за жалобу в ямынь можно было не только палок получить, но и в тюрьму загреметь. Если не пойти, пойдут грязные слухи.

Обычно дары для визита в родительский дом готовит свекровь, но у Сяо У не осталось старших, и он плохо разбирался в этикете. Поэтому Гу Цин, взяв два кочана капусты, отправился к соседям. Матушка Гу, бабушка Ху-цзы, была одной из старейшин деревни и знала все обычаи. Её собственные дети были почтительны, жизнь текла мирно, и сама она была женщиной доброй и приветливой.

— Бабушка Гу, что обычно дарят при возвращении в отчий дом? Мы люди молодые, опыта нет, вот и пришли за советом, — спросил Гу Цин, откладывая капусту в сторону.

Старушка видела, как рос Гу Тяньци, и прекрасно знала его натуру. Она видела, как тот годами изводил сына от первой жены и в итоге вынудил его выйти за Сяо У. Для неё Гу Тяньци и его женушка были людьми никчемными.

— Обычно несут десяток яиц да пару цзиней бурого риса. Те, кто побогаче, могут и курицу прихватить. Но я тебе так скажу: возьми десяток яиц и хватит с них. Эх, Цин-гэр, горькая у тебя доля — с такими родителями родиться. Но лицо соблюсти надо. И не из-за того, что люди скажут, а чтобы отец твой не вздумал к тебе с разборками явиться, когда Сяо У в горы уйдет.

Старушка нахмурилась: Гу Тяньци она искренне презирала.

— Хоть и выдали тебя за Сяо У, зато из того дома вырвался. А дети у него, я видела, славные, смышленные, так и тянутся к людям.

Гу Цин слушал это спокойно. Он не был тем бесхребетным беднягой, которого можно было безнаказанно помыкать. Если сунутся — он их встретит как подобает.

— Раз я уже замужем, то не позволю собой помыкать, как раньше, — мягко успокоил он старушку. — К тому же Сяо У ко мне добр, во всём со мной советуется. И детки послушные, так что живется мне вполне ладно.

— Ну и славно, ну и хорошо. — Бабушка Гу похлопала его по руке, и морщины на её лбу разгладились.

— Бабушка, а вы не знаете, кто яйца продает? У Сяо У в хозяйстве никакой птицы нет.

Старушка задумалась, но так и не припомнила никого.

— Если яиц не найдешь, неси два цзиня риса, не беда. Холодает, куры неохотно несутся, вряд ли у кого излишки найдутся.

— Пойду я тогда, бабушка. Вот, принес вам капусты, не обессудьте, в доме больше и угостить нечем.

Старая госпожа нахмурилась:

— Мы же соседи! Если я с молодежи за каждый совет подарки буду брать, кем я стану? Забирай и свари детям суп. — Она решительно отпихнула капусту назад. Она знала положение семьи Сяо: пришлые, земли нет, даже огорода приличного — не могла она взять у них еду.

Так Гу Цин и вернулся с капустой, решив про себя, что в следующий раз просто принесет старушке уже готовое блюдо.

Сам он яйца просто обожал — и вареные, и жареные. Но за всё время здесь ел их лишь однажды.

Вернувшись домой, он всё бормотал под нос:

— Где же мне яиц-то достать?

Сяо У, приподняв бровь, посмотрел на него:

— Яиц захотелось?

<http://bllate.org/book/19018/1869769>